

Философия культуры

УДК 130.2:316.42(470.53)
doi:10.35853/vestnik.gu.2022.4(39).14

Потенциальность наступления стадии постгорода в диалектическом процессе трансформации геокультурного пространства Перми

Алексей Владимирович Лесевицкий

Пермский филиал Финансового университета, Пермь, Россия, Lesev100@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи осуществляется оценка потенциала трансформации геокультурного пространства Перми в постурбанистический конструкт неклассического типа. Автором были использованы следующие методы и принципы исследования: метод «синтетической деконструкции», метод полифонического диалога сознаний, принцип синергетизма, концепт «множественности истины», принципы центробежности, фрагментарной эклектичности, критики глобальных мировоззренческих нарративов. В исследовании рассматривается соотношение домодерновых, модерновых и постмодерновых геокультурных паттернов городской среды, поднимается проблема «фрагментарной эклектичности» Перми. Автором анализируется проблема «полифонического диалога геокультурных сознаний» (М. М. Бахтин), способствующая предотвращению мировоззренческой «битвы Богов» в едином пространстве городских локаций. В статье оценивается потенциал превращения города в «виртуальный постурбанистический конструкт», анализируются возможности «оживления» окологородских и сельских районов, гармонично встроенных в виртуальные «сетевые процессы» (Ж. Бодрийяр). Исследователь анализирует потенциал становления паттерна «мобильной архитектуры» в городе Пермь с широчайшими возможностями самых разнообразных вариаций конструирования своего «пространственного воображения». Кроме того, в данной работе оценивается потенциал децентрализации процессов управления, обсуждаются методологические аспекты зарождения биополитики (М. Фуко) и кризиса менеджирального принципа эпохи модерна «надзирать и наказывать». Рассматриваются альтернативные «мягкие» формы управления, такие как «манипуляция сознанием» в рамках сетевых процессов «виртуальной Перми».

Ключевые слова: домодерн, модерн, постмодерн, постгород, картография воображения, геокультурный ландшафт, биополитика

Для цитирования: Лесевицкий А. В. Потенциальность наступления стадии постгорода в диалектическом процессе трансформации геокультурного пространства Перми // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 4 (39). – С. 138–145. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.4(39).14.

The Potentiality of the Post-City Stage in the Dialectical Process of Transformation of the Perm's Geocultural Space

Alexey V. Lesevitsky

The Perm Branch of the Financial University, Perm, Russia, Lesev100@mail.ru

Abstract. This article assesses the potential of transformation of the Perm geocultural space into a post-urban construct of a non-classical type. The author used the following research me-

© Лесевицкий А. В., 2022

thods and principles: the method of «synthetic deconstruction», the method of polyphonic dialogue of consciousnesses, the principle of synergetism, the concept of “plurality of truth”, the principles of centrifugality, fragmentary eclecticism, criticism of global worldview narratives. The study examines the ratio of pre-modern, modern and postmodern geocultural patterns of the urban environment, raises the problem of «fragmentary eclecticism» of Perm. The author analyzes the problem of the «polyphonic dialogue of geocultural consciousnesses» (M. M. Bakhtin), which helps to prevent the ideological «battle of the Gods» in a single space of urban locations. The article analyzes the possibilities of «revitalizing» the suburban and rural areas harmoniously integrated into virtual «network processes» (J. Baudrillard). The researcher analyzes the potential of the formation of a pattern of «mobile architecture» in the city of Perm with the widest possibilities of the most diverse variations of the construction of his «spatial imagination». In addition, this paper assesses the potential of decentralization of management processes, discusses methodological aspects of the emergence of biopolitics (M. Foucault) and the crisis of the managerial principle of the modern era «to supervise and punish». The paper also considers alternative «soft» forms of control such as «manipulation of consciousness» within the network processes of «virtual Perm».

Keywords: pre-modern, modern, postmodern, post-city, cartography of imagination, geocultural landscape, biopolitics

Введение

Человечество входит в постклассический этап своего развития, требующий вдумчивого анализа сложившейся миропроектной системы [Тоффлер 2004]. Можно со всей обоснованностью утверждать, что глобальная антропогенная цивилизация находится в процессе глубинных трансформаций макрокосма экономики и политики, социальной инфраструктуры, информационных технологий, универсума творчества и, наконец, главного субъекта пробных фундаментальных изменений – самого человека [Руднев 2010]. Безусловно, данный процесс изменчивости не мог не коснуться пространства городской геокультурной среды, диалектической трансформации модернистских и домодерновых творческих локаций в пока еще слабо артикулированные, становящиеся пост-городские ризоматические квази-структуры, содержащие в себе многомерную «потенциальность всеобщего» (Г. Гегель). Основной целью нашего исследования является оценка потенциала (возможности) трансформации Перми в постурбанистическое геокультурное образование, футурологическая прогностика будущих изменений.

Стоит заметить, что дефиниция термина «постгород» предельно затруднена вследствие его пред-воплощенного характера. Д. Н. Замятин в своей статье предлагает следующее определение: «Постгород – это пространства пересекающихся, взаимодействующих, налагающихся друг на друга картографий воображения, множества которых постоянно расширяются, увеличиваются, создавая тем самым все новые и новые постгородские пространства. Происходит онтологический переворот: постгорода размещаются в виртуальных пространствах картографий воображения; эти картографии репрезентируются, так или иначе – культурно и идеологически – в видимых непосредственно, феноменологически осознаваемых пространствах человеческих поселений» [Замятин 2018, с. 158]. Дух человека-творца, эстета, пассивного мечтателя всегда творит себе материальные формы, преображая весь универсум, когда воображение предшествует тотальной деконструкции городской среды, рождая новые проявления постурбанистических локаций.

Методы

Специфика нашего исследования предполагает применение своеобразного методологического аппарата.

1. В рамках работы нашел широкое применение метод «синтетической деконструкции», позволяющий рассматривать структурное пространство города в контексте «атомизации» его составных элементов вне диктата глобальных городских пространственно-социальных систем [Дебор 2000].

2. Важным аспектом нашего исследования является методология «полифонического диалога сознаний» М. М. Бахтина, встроенная в контекст исследований постурбанистических структур, позволяющая анализировать домодерновые, модерновые и постмодерновые проявления «пространственного воображения» [Бахтин 1986].

3. В рамках работы нашел широкое применение принцип синергетизма, позволяющий проследить самоорганизацию городского пространства от момента его зарождения и до процесса распада, который, в свою очередь, может являться формой нового зарождения неизведанных постурбанистических подвижных квазиструктур (порядок из хаоса в прямой и обратной перспективах).

4. Важным методологическим аспектом нашего исследования является концепция «множественности истины», позволяющая уравновесить между собой «тезис» и «антитезис» в органичном синтезе (Г. Гегель). Данный прием позволяет добиться гармоничного сочетания домодерновых, модерновых и постмодерновых «пространств воображения», нивелировать мировоззренческую «битву Богов» [Бодрийяр 2018].

5. В рамках исследования нашли широкое применение методологические принципы центробежности, фрагментарной эклектичности и критики глобальных мировоззренческих нарративов.

Результаты и обсуждение

1. Используя принцип историзма, мы утверждаем, что материализованное в различных формах культуры пространство города Перми имеет диалектическую преемственность [Дианов, Дианова 2021]. Постгородская локация, несмотря на свой принципиально иной мировоззренческий дискурс, не могла бы появиться без предшествующих форм протогородских и городских образований. На наш взгляд, феномен постурбанистической антисистемной системы не может быть изъят из логической триады: домодерн (премодерн), модерн и постмодерн. В рамках культурного пространства нашего города домодерновые и модерновые локации представлены крайне рельефно. Например, к наиболее импозантным проявлениям домодерновых форм мы можем отнести знаменитый «пермский звериный стиль», «пермскую деревянную скульптуру», «камскую чудь», «коми-пермяцкий эпос» и т. д. К проявлениям миропроектной матрицы модерна относится дореволюционный и весь советский период развития нашего города, интенсивное индустриальное строительство, насыщенная урбанизация, демографический приток жителей села в город и т. д. Все эти социально-исторические процессы порождали новые формы геокультурных локаций периода расцвета идеологий (памятники «Героям фронта и тыла», Ф. Э. Дзержинскому, В. И. Ленину, бюст Ю. А. Гагарина, музей пермской артиллерии, «парящий Икар» и т. д.).

Постурбанистический этап развития Перми условно начинается после распада СССР, благодаря активной деятельности одного из губернаторов края, который вознамерился сделать наш город «брендовой культурной столицей Европы» (скульптуры «Красных человечков», «жук-скарабей», «ворота в Пермь», «яблоко науки» вблизи библиотеки имени А. М. Горького и т. д.). Именно данный диалектический импульс может трансформироваться в дальнейшем в огромную геокультурную фреску постмодерна на Урале.

2. По нашему мнению, уже сейчас можно говорить о четко проявляющихся чертах постгородских локаций в пространстве нашего города.

Одной из черт постгорода является его фрагментарность, эклектическая центробежность, символизирующая глобальный процесс конца истории, критического восприятия любых крупных идеологических метарассказов. В рамках скульптурных объектов Перми это проявлено чрезвычайно рельефно. Достаточно упомянуть пример весьма «двусмысленного соседства» памятника Ф. Э. Держинскому и знаменитой скульптуры, отображающей «Пермские ворота». Это немислимое в период советского модерна «соседство» является рельефно проявившимся элементом постгорода, будущей формой уравнивания всех форм антагонистических противоречий в едином нивелирующем синтезе. Согласно вербализованной философии-постмодернистами концепции мы должны принять любые формы проявления творческого духа личности, лишившись средств «жесточкого отбора», т. е. идеалов Истины, Добра и Красоты. И только после подобной операции по «редуцированию сознания» (Э. Гуссерль) возможно сглаживание всех антагонизмов, будет предотвращена глобальная «битва Богов», всё будет одновременно обесценено и лишено сакральности, т. е. вызовет устойчивый «синдром толерантности» и принятия абсолютно любых форм «пространственного воображения» (в том числе и «деструктивных», «психоделических», «танатических», «бессознательных», «маргинальных» и т. п.). Как оценить подобное «эклектичное соседство» из мировоззренческих рамок модерна или премодерна? В модернистской системе координат подобный «скульптурный ансамбль» сочли бы творческим воплощением «шизоидного расщепления личности», т. е. деструктивным сочетанием несочетаемого, элементом несоизмеримости художественно-символических знаков в рамках творческого синтеза [Делёз, Гваттари 2007]. Исходя из строго идеологичной логики модерна с ее жесткими идеалами Истины, Добра и Красоты, подобное «соседство» памятников начальнику всеильного ВЧК и знаменитых «Пермских ворот» представляется невозможным, нонсенсуальным, «психопатологичным», проникнутым кафкианской логикой «шизоидной» абсурдности: «Расщепление, рассеивание всякой коммуникативной “центральности”, означающее сосуществование, сопостранственное положение множеств условных шизофренических “империализмов”, не позволяющих утвердить некое общее “право на город” или же “право на территорию” любого иерархического уровня» [Замятин 2020, с. 244]. В рамках постмодернистской вселенной подобный кентаврический «скульптурный ансамбль» есть символ уравнивающих все антагонистические противоречия новых постгородских локаций периода конца истории, когда шизоидное расщепление духа много лучше параноидальной одержимости «человека модерна и премодерна»: «Постмодернисты предпочитают шизофреническую расщепленность сознания параноидальной одержимости» [Панарин 2002, с. 216].

3. Важным признаком постгорода, по нашему мнению, является его симулякративность («виртуальность»), порожденная стремительным ростом высоких технологий [Бодрийяр 2020]. В этой связи свершается удивительная метаморфоза фазового перехода от реально существующих объектов городской среды к их виртуальному клону в сознании личности, психоделика «превращенных» онтологических форм. Стираются пространственные границы, осуществляется невиданная ранее миграция населения, снижается значение реально существующих объектов городского хозяйства и конкретных географических локаций. Воплощение идеи постгорода, по нашему мнению, может самым существенным образом «оживить» околгородские и сельские территории нашего края, где главным критерием данного «оживления» будет являться возможность высокоскоростного выхода в Интернет, близость к природе, фактор «экологичности», отсутствие «депрессивно-агрессивной»

городской среды с ее перенаселенностью, загазованностью, шумом и т. д. В рамках концепта постурбанистики личность становится своеобразным «психонавтом» (И. Ф. Летов), странствующим в лабиринтах виртуальных миров. Современный житель постгорода уже слабо «привязан» к конкретной географической локации, он становится «гражданином мира», способен быть втянутым в калейдоскоп экономических, политических, социальных и иных процессов, находясь в любой точке планеты. Но, с другой стороны, определенным недостатком постурбанистического градоустройства является деконструкция любых форм социального сплочения людей, некий фактор «атомарного рассеивания». Стоит заметить, что для премодерновых геокультурных локаций данная атомарная отчужденность была нехарактерна, впрочем, как и для советского варианта модерна: «С возникновением средств массовой коммуникации с большим радиусом действия изоляция населения оказалась намного более действенным средством контроля, – констатирует Льюис Мамфорд в книге “Город в истории”, описывая “отныне однонаправленный мир”. – Но общее развитие изоляции, представляющее собой реальность урбанизма, должно также содержать в себе контролируруемую реинтеграцию трудящихся» [Дебор 2000, с. 95].

Однако проблема межличностного отчуждения будет серьезным испытанием для психологической сферы будущего обитателя постурбанистической Перми, впрочем, как и любого иного города нашей планеты, продуцируя рост психопатологий (В. И. Лебедев, О. Н. Кузнецов), алкоголизма, злоупотребление психоактивными веществами, аспектов добровольного ухода из экзистенции (Э. Дюркгейм) и т. д. Такова современная драма урбанистической «робинзонады» эпохи постмодерна, неразрешимая проблема одиночества среди миллионов других людей: «Западное общество все более превращается в сумму индивидов, где количество не переходит в качество, где атомы и молекулы не сцепляются друг с другом. Люди уходят в себя, как улитки, превращаясь в кантову вещь в себе, навечно сданную в камеру хранения человеческого эгоизма» [Кузнецов, Лебедев 1972, с. 25]. В рамках литературного творчества подобная драма межличностного отчуждения в урбанистической среде Санкт-Петербурга блестяще освещается в романах Ф. М. Достоевского, а шире – в философии экзистенциализма [Лесевицкий 2011].

4. Важным признаком постгородской локации является наличие спонтанных культурных акций в самых разнообразных формах. Например, в форме «мобильной архитектуры», когда человек может выбирать не только свой индивидуальный «стиль», некий симулякр презентующийся окружающим, но и образ своего дома, который может быть «передвижным», легко трансформирующимся, принимающим самые причудливые формы «пространственного воображения». Более того, логика постмодерна предлагает нам эклектичную комбинацию самых разнообразных архитектурных городских стилей, находящихся в перманентной стадии рециклирования, калейдоскопической смены внешних визуальных форм. Это означает, например, что за свою жизнь житель пермского постгородского пространства будет менять не стандартные однотипные квартиры многоэтажек, но сугубо индивидуальные «дома на колесах», отражающие аутентичное мировоззрение своего хозяина. Прав Ж. Бодрийяр, который описывал процесс превращения в своеобразный конструктор «Лего» не только городской среды, но и тела человека, появившуюся возможность дисгармоничного сочетания несочетаемого, трансформизм и трансгендерность современного индивида: «К этому надо добавить, что Майкл Джексон и переделал свое лицо, и взбил волосы, и осветлил кожу – короче, он самым тщательным образом создал сам себя. Это превратило его в невинное, чистое дитя, в искусственный, сказочный двупольный персонаж, который скорее, чем Христос, способен воцариться в мире и примирить его, потому что он ценнее, чем дитя-Бог: это дитя-протез, эмбрион всех мыслимых форм мутации» [Бодрийяр 2018, с. 102].

Люди будущего будут, безусловно, «протезировать» не только себя, ведя риск своей многогранной ризоматической идентичности, но и социокультурное пространство постгородской многовекторной среды. Важным элементом симулякризации пост-Перми является ее флешмобность, способность к кратковременному недетерминированному сплочению значительного количества людей с целью совместной репрезентации своего коллективно-индивидуального «пространственного воображения». Подобные спонтанные практики в рамках городской среды способны актуализировать деконструкцию диктатных форм социокультурного пространства, порожденного крупными институтами, могущими лишь «надзирать и наказывать» [Фуко 2021]. В данном постмодернистском процессе существует зазор возможностей неофициального спонтанного со-конструирования городского ландшафта, отражающего творческий импульс жителей Перми (стрит-арт, граффити и т. п.).

5. Рассеивание властных полномочий, делегирование менеджеральных возможностей, децентрализация управления, деструкция социально-иерархической пирамиды власти, снижение жестких административно-силовых методов воздействия – все это лишь отчасти может охарактеризовать проблему постгородской политики. Каким образом может быть выстроена постурбанистическая политика будущей Перми? Логика постмодерна ратует за деконструкцию социально-иерархической пирамиды, ибо как только она выстраивается, возникают самые разнообразные формы диктатного подавления макро- и микросообществ, не входящих в элиту, свершается очередная эволюция диктата [Кайтуков 1994]. В этой связи должна получить широкое распространение идея децентрализации власти, идея развития местного самоуправления и земств, свободная законодательная инициатива на местах. Более того, в идеале подобная инициатива жителей постгородской Перми не должна быть связана с какими-либо крупными (частными или государственными) социальными институтами, она должна стать «спонтанной», не детерминированной властью, изъятой (выключенной) из системы социоиерархических отношений. Если сравнивать постгородские «биополитические практики» (М. Фуко), проходящие в нашем городе, и преמודерновые и модерновые диалектические стадии развития данной территории, то легко обнаружить принципиальный разрыв форм и методов осуществления властных функций. Принципиальная стратегема «надзирать и наказывать» домодерновых и модерновых социальных конструктов постепенно трансформируется до форм «мягкого управления», сетевизации и виртуализации городского пространства, делегирования властных полномочий вовне, плавную деконструкцию социоиерархических систем менеджмента. Мягкая власть становится сетевой, ризоматической, тотальной и одновременно антидиктатной, проявленной и одновременно сокрытой, многовекторной. Безусловно, постмодерн в своем желании уничтожить все иерархические структуры управления обусловлен желанием деконструировать само воспоминание о тоталитарных формах любого социального конструкта. Но не является ли подобная постмодернистская установка одной из форм утопического сознания, которыми весьма богата история?

Обсуждение

13 февраля 2020 г. в рамках VI Открытого Регионального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) Пермского края авторским коллективом настоящей статьи был проведен круглый стол на тему «Креативный город: культурная среда и творческий потенциал современной Перми». Данное мероприятие проходило на площадке КГАПОУ «Пермский строительный колледж». Часть обсуждавшихся вопросов была посвящена рубрике «Трансформации Перми в постурбанистическое городское образование». Так, А. В. Лесевицкий в своем докладе «Эманация

модерна и постмодерна в скульптурном ландшафте города Перми» рассматривал некоторые скульптурные объекты нашего города через призму мировоззренческих парадигм модерна и постмодерна. Целью данного доклада являлся сравнительный анализ скульптур «Красных человечков» и памятника «Героям фронта и тыла». В рамках выступления А. В. Лесевицким было поставлено несколько задач: рассмотреть противоборство реализма и «китчевого» вида искусства, проанализировать разрушение божественной триады (идеалов Истины, Добра и Красоты) в рамках парадигмы постмодерна, предложить участникам обсуждения концепт «трудовой теории стоимости» произведений искусства. По мнению докладчика, можно говорить о фундаментальном мировоззренческом отличии данных объектов, обусловленном разными задачами искусства модерна и постмодерна.

По итогам круглого стола его участники приняли ряд практических рекомендаций, среди них:

– вузовскому и профессиональному творческим сообществам в 2021–2022 годах инициировать проведение серии мероприятий (круглые столы, панельные дискуссии, интернет-форумы) по тематике «Геокультурный брендинг Перми и территорий Пермского края»;

– муниципальным органам власти на регулярной основе проводить конкурсы творческих проектов по преобразованию городской среды (уличных пространств, пешеходных тротуаров, скверов и аллей), развивать грантовую систему поддержки креативных проектов талантливой молодежи (школьники, студенты, молодые специалисты);

– поддержать авторские творческие инициативы по геокультурному брендингу малых городов Пермского края, в основе которых заложены историко-культурные явления пермской земли.

31 марта 2020 г. С. А. Диановым, Ю. В. Диановой и Л. П. Базарьевой был проведен круглый стол в г. Верещагино на тему «Творческое действие для социокультурной среды Верещагино: сценарии креативности». Партнером выступила Верещагинская центральная районная библиотека им. В. Г. Мельчакова. В рамках дискуссии были затронуты важные аспекты развития креативных паттернов малых городов, концепты аутентичного облика данного геокультурного пространства.

Заключение

Авторы исследования пришли к следующим выводам.

Можно утверждать, что у нашего города есть широчайшая возможность трансформации в постурбанистическое геокультурное образование.

Уже готовой «пост-городской площадкой» является его архитектурная эклектичность, содержащая в себе органичные элементы протомодерна («пермский звериный стиль», «деревянные боги» и т. д.), современную компоненту (индустриальные памятники) и проявления мировоззренческой матрицы постмодерна («Пермские ворота», скульптура «Красных человечков», пермская галерея современного искусства и т. д.)

Важным элементом будущей пост-Перми может являться ее «подвижная архитектура», появление «домов на колесах», напоминающих конструктор «Лего». Уже сейчас можно говорить о довольно широком встраивании геокультурного пространства нашего города в сетевые процессы, развитие спонтанных культурных акций в форме флэш-мобов, стрит-арта и граффити, создающих «общество спектакля» (Г. Дебор).

Важным аспектом, порождающим постурбанистическую трансформацию города, является появление новых форм управления им. Диалектический переход от жестких форм менеджмента, действующих по методологическому принципу про-

томодерна и модерна «надзирать и наказывать» (М. Фуко), к мягким формам «манипуляции сознанием» гармонично сочетается с идеями постмодернистов о деструкции устаревшей схемы центр – периферия в рамках менеджеральных процессов. Подобный фазовый сдвиг представляет широчайшие возможности развития концепта местного самоуправления («метафизика земств»), обладающих существенной ризоматической автаркией.

Таким образом, мы должны констатировать, что у нашего города есть весьма существенный потенциал для диалектической трансформации в высокоразвитое постурбанистическое геокультурное ризоматическое образование, порождение сущности «пространственного воображения» эпохи постмодерна.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. – М. : АСТ, 2020. – 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. В. Качалова. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 288 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офергаса, М. Якубович. – М. : Логос, 2000. – 184 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
6. Дианов С. А., Дианова Ю. В. Геокультурное пространство исторических пермских городов в XXI веке. – Пермь : Астер Плюс, 2021. – 163 с.
7. Замятин Д. Н. Постгород (III): политики сопостранственности и новые медиальности // Социологическое обозрение. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 232–266. – DOI 10.17323/1728-192x-2020-3-232-266.
8. Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 147–165. – DOI 10.17976/jpps/2018.03.10.
9. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. – М. : Наука, 1994. – 416 с.
10. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. – М. : Медицина, 1972. – 336 с.
11. Лесевицкий А. В. Конфликт индивидуального и социального в экзистенциальной философии Ф. М. Достоевского. – Пермь : От и До, 2011. – 192 с.
12. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М. : ЭКСМО-пресс, 2002. – 416 с.
13. Руднев В. П. Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. – М. : Гнозис, 2010. – 400 с.
14. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Рудневой и др. – М. : АСТ, 2004. – 557 с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М. : Ad Marginem, 2021. – 416 с.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Лесевицкий, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (Пермь, Россия).

Information about the author

Alexey V. Lesevitsky, Lecturer at the Department of General Education, Human and Social Disciplines, the Perm Branch of the Financial University (Perm, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 26.08.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 04.11.2022.